

УДК 93/94

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-3-110-125

Пенской В. В.

**СВЯТОЙ ИЛИ “ERBFEIND
GANTZER CHRISTENHEIT”?
ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЕГО ЭПОХА:
ОБРАЗ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье автор поднимает проблему объективной оценки личности первого русского царя, Ивана Грозного, и его деятельности. Автор показывает, что в отечественной и зарубежной историографии, а вслед за нею и в общественном мнении сложились устойчивые представления об Иване IV как эталонном тиране и бездарном правителе, который, удалив от себя мудрых советников и помощников, своими действиями разрушил все благие начинания начала своего правления и привел Россию к глубочайшему кризису. По мнению автора, такая оценка деятельности Ивана Грозного, с одной стороны, однобока и не учитывает специфических условий, в которых пришлось действовать Ивану, а с другой стороны, изначально политизирована и идеологизирована, будучи созданной и последовательно развиваемой в условиях острой политической борьбы, характерной для России XIX в. Между тем, как доказывает автор, комплексный подход к внутренней и внешней политике Ивана IV и его «правительства» с учетом сложных условий, в которых им приходилось действовать, позволяет утверждать, что гиперкритический взгляд на деятельность первого русского царя серьезно искажает историческую действительность.

Ключевые слова: история России; XVI век; Иван Грозный; опричнина; социальная структура; искусство государственного управления; карамзинская схема.

UDC 93/94

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-3-110-125

*Vitaly V. Penskoy***SAINT OR «ERBFEIND GANTZER
CHRISTENHEIT»?
IVAN THE TERRIBLE AND HIS
ERA: CHARACTER AND REALITY**

Penskoy Vitaly Viktorovich, *Doctor of Historical Sciences, Professor*
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Abstract

The author discusses the problem of objective evaluation of the personality and living of the first Russian tsar Ivan the Terrible. It is shown that domestic and foreign historiography and public opinion have fallen under the impression of Ivan IV as a sample tyrant and a mediocre governor. Having retired his wise counselors and assistants, he destroyed all the good deeds and led Russia to the deepest crisis. According to the author, this assessment of Ivan the Terrible, on the one hand, is one-sided and does not take into account the specific conditions in which he had to act. On the other hand, it is being created and subsequently developed in the conditions of acute political struggle; it is politicized and ideologized. Meanwhile, the author argues that a comprehensive approach to domestic and foreign policies of Ivan IV and his “government” suggests that hypercritical view on the living of the first Russian tsar seriously distorts the historical reality.

Key words: Russian history; XVI century; Ivan the Terrible; oprichnina; social structure; statecraft; Karamzin scheme.

В русской истории фигура первого русского царя, Ивана Грозного, личности чрезвычайно сложной, противоречивой и во многом загадочной, подлинного русского сфинкса, в котором все было величественно чрезмерно – и гений, и злодейство, – занимает особое место. Пожалуй, ни один русский монарх не удостоился такой посмертной «славы», как он, и образ грозного царя настолько мифологизирован, что за плотной завесой штампов истинный облик самого Ивана и его эпохи порой просматривается с превеликим трудом.

Почему же так получилось, что и в исторической традиции, и в общественном сознании не только России, но и ближнего и дальнего ее зарубежья далеко не однозначный образ Ивана Грозного ассоциируется в первую и чуть ли единственную очередь со своего рода «эталоном» кровавого злодея и тирана, выделяющимся своими тиранствами и злодействами даже на фоне других тиранов и злодеев отнюдь не вегетарианского XVI столетия, века Реформации и Контрреформации, войн, мятежей и заговоров?

Шанс найти ответ на этот вопрос дает, быть может, тезис, выдвинутый отечественным историком Е.С. Корчминой (произнесены эти слова были, правда, по другому поводу, но прекрасно подходят к нашему случаю): «Обобщения в данном случае предшествовали накоплению эмпирического материала. Между тем *сформулированные тогда концепции порой продолжают восприниматься не как первое приближение к истине, а как нечто доказанное* (курсив мой. – В.П. Именно так: не как первое приближение к истине, а как нечто доказанное!). В результате изучение этой темы в последние десятилетия фактически остановилось, хотя в существующих работах по сути лишь поставлен круг тех вопросов, на которые ученым еще предстоит дать ответ...» [12, с. 78].

Итак, обобщения предшествовали накоплению (и от себя добавим – осмыслению) эмпирического материала. И автора этих обобщений найти не так уж сложно. В свое время русский историк Р.Ю. Вишпер отмечал, что первому русскому царю не посчастливилось на литературных защитниках [6, с. 109]. Не нашлось у Ивана своего Каллисфена и

Птолемея Лага, тогда как суровых, более чем предвзятых критиков оказалось с излишком. И главным из них стал князь Андрей Курбский, друг, а потом злейший враг Ивана Грозного. Автор биографии князя А.И. Филюшкин, предваряя повествование о бурной и переменчивой жизни и трудах Курбского, отмечал, что именно сочинения князя Андрея стали одними из важнейших источников по эпохе Ивана Грозного, и «Курбский отомстил своему врагу, Ивану Грозному, прежде всего тем, что сумел навязать читателям свой взгляд на русскую историю XVI века, который до сих пор определяет оптику нашего видения эпохи царя Ивана Васильевича». В итоге получилось то, что «вот уже несколько столетий мы смотрим на русский XVI век через очки, надетые Андреем Курбским на историков» [18, с. 9].

Но вот что любопытно: если взять, к примеру, русскую «публицистику» (мы намеренно взяли это слово в кавычки, ибо к произведениям русской книжности конца XVI–XVII вв. этот современный термин не вполне подходит), то нетрудно заметить, что русские книжники того времени были не столь однозначны в оценках Ивана Грозного и его эпохи. С одной стороны, были те, кто осуждал Ивана и давал ему и его деяниям сугубо негативную оценку, например, дьяк Иван Тимофеев, автор знаменитого «Временника», повествующего о Смутном времени. Или некий пожелавший остаться безымянным псковский летописец, осуждавший царя Ивана за то, что тот «наполнил грады чюжие русскими людьми, а свои пусты сотвориши» [15, с. 262].

Но есть и другое мнение, например, князя Ивана Катырев-Ростовского. Вскоре после Смуты он, рассказывая о деяниях Ивана Грозного, писал, что царь «очи имея серы, нос протягновенен, поклоп; возрастом велик бяше, сухо тело имея, плечи имея высоки, груди широки, мышцы толсты; муж чюдного разсужения, в науке книжняго почитания доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятель». Правда, затем князь не преминул добавить и немалую ложку дегтя: «На рабы, от Бога данья ему, жестосерд велми, на пролитие крови и на убиение дерзостен велми и неумолим; множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби, и многия

грады свои поплени, и многия святителския чины заточи и смерти немилостивою погуби, и иная многая содеях над рабы своими, жен и дочерей блудом оскверни». Но, осудив Ивана за грехи его тяжкие (в которых, кстати, сам царь никогда не запирался, в отличие, к примеру, от князя Андрея), князь завершил свою характеристику первого русского царя, что называется, «за здоровье», ибо «той же царь Иван многая и благая сотвори, воинство велми любляше и требующая им от сокровищ своих неоскудно подаваше (курсив мой. – В.П. Выходит, что Иван Грозный услышал обращенные к нему слова Ивана Пересветова, призывавшего царя любить свое воинство?). Таков же царь Иван...» [11, стб. 707-708].

Прошло еще полвека, и дьяк (опять дьяк! – В.П.) Федор Грибоедов сочиняет свою историю государства Российского, и в одной так характеризует образ первого царя: «Он же убо великий государь, имый разум благообычен и зело благоумен, еще ж и во бранех на супротивных искусен и велик в мужестве и ратник непобедим, храбросерд же и хитрь конник и варварские страны, аки молния, борзо обтече и вся окрестные устраши и прегордыя фряги (надо полагать, ливонские немцы. – В.П.) покори. Бысть же и в словесней премудрости ритор естествословен и смышлением быстроумен, доброзначен же и благ, дерз в воинстве; еще же и житие благочестиво имея и ревностию по Бозе присно препоясуяси и благонадежныя победы мужеством окрестны многонародныя царства прият Казань и Астарохань и Сибирскую землю. И тако Руския земли держава пространством разливашеся и народи ея веселием ликовашу и победныя хвалы Богу возсылаху...» [8, с. 24-25].

Но что еще более интересно, это как образ царя Ивана оказался запечатлен в народных исторических песнях – своего рода народном «учебнике» русской истории (именно Иван Грозный оказался удостоен такой чести – стать персонажем устного народного творчества – ни его дед Иван III, который первым заслужил прозвище «Грозный», ни его отец Василий III этого не сподобились!). В них Иван действительно предстает грозным царем, «добре крутым» и скорым на расправу с изменниками и «ворами», и даже статус

царского сына не гарантирует безопасности, если он, сын, будет заподозрен в «воровстве» и измене. Но в то же время горячий, вспыльчивый и крутой царь отходчив, готов выслушать другое мнение и восстановить справедливость, достойно наградив верного слугу. Но что еще более любопытно, так это то, что в песнях сказывается про то, как царь Иван взял Казань и Астрахань, про противостояние с крымским ханом, и про то, что войско царево до крайности огорчено его смертью, но вот казни и прочие тиранства проходят вторым, третьим планом, да и то они дело рук и наветов злоумышленников.

Одним словом, выбор точек зрения и мнений относительно личности царя Ивана и его деятельности в исторической памяти русского народа самый разнообразный, от откровенно негативного, даже можно сказать «чернушного», до столь же откровенно панегирического, и мнение князя Катыева-Ростовского выглядит среди этого раздолья едва ли не самым взвешенным и умеренным. Но возобладала точка зрения князя Андрея, хотя не вызывает сомнения тот факт, что послания Курбского к Ивану, и в особенности его «История о великом князе московском», относятся к жанру исторического памфлета с характерными для него преувеличениями. И нет ничего страшного в том, что эти памфлеты, написанные не чернилами, но желчью, используются историками – увы, от эпохи Ивана Грозного осталось не так много документов, как бы хотелось, а некоторые периоды ее и вовсе плохо отражены в источниках.

Но на беду «История» князя Курбского попала в руки «Колумбу российских древностей» Н.М. Карамзину. Почему на беду? Здесь стоит вспомнить слова, принадлежащие упомянутому выше Р.Ю. Випперу: «Историк зависит в своих взглядах и приемах от сменяющихся увлечений и философских настроений. Ведь и наше неотступное желание найти связь между событиями внешней истории и усложнением внутренней жизни – результат могущественного влияния современной общественной мысли. Воздействие на исследователя того, что мы называем мировоззрением, настолько сильно, что в литературных источниках, в исторических памятниках он

как будто читает и видит то, что хочет прочитать и увидеть, выделяет и оценивает то, что совпадает с его вкусами и направлением интересов. Однако надо признать, что, в свою очередь, и памятник оказывает свое давление на ученого, вдохновляет и направляет мысль историка. В историческом документе есть скрытая энергия, обаянию которой мы все невольно поддаемся...» [6, с. 108-109].

Карамзин же, будучи сыном эпохи Просвещения и писателем-сентименталистом (а не историком-профессионалом), нуждался именно в таком взгляде на эпоху Ивана Грозного, чтобы выстроить величественную трагедию в античном духе, картину «двух Иванов», «хорошего» (времен Избранной Рады и покорения Казани) и «плохого» (времен Ливонской войны и опричнины). Одновременно Карамзин решал и другую задачу – отрицательной характеристикой Ивана, по словам Р.Ю. Виппера, «оттенить сияющий всеми добродетелями образ Александра I и его «великой бабки», монархов гуманных и справедливых, исключительно преданных народному благу ...» [6, с. 108]. От себя мы добавим, что Карамзин, описывая злодеяния тирана, метил еще и в отца Александра, Павла I, тем самым противопоставляя идеального самодержавного монарха неидеальному. И обличение тирании Ивана IV во время «дней Александровых прекрасного начала» звучало более чем злободневно, актуально и в тоже время политкорректно – неудобно говорить прямо о тиранических наклонностях Павла, убитого заговорщиками в Михайловском замке!

В итоге вышло так, что, по меткому наблюдению все того же Виппера, «Карамзин в своем изображении дал, можно сказать, классическую схему для личной и правительственной истории Грозного, от которой до сих пор мы не можем отрешиться: до 1560 года это государь прекрасный, добрый и разумный, поскольку он весь под влиянием мудрых руководителей; после 1560 г. прорывается натура порочная, злобно безумная, свирепствующая на просторе, извращающая здравые государственные начала». И, продолжая свою мысль, историк с сожалением констатировал, что «русские историки последующего времени, хотя и чуждые идеализации просвещенной

монархии, удержали, однако, неблагоприятную оценку Грозного» [6, с. 108].

Действительно, так или иначе, но изучение эпохи Ивана Грозного до сих пор в той или иной мере, но вращается вокруг схемы «двух Иванов», воспроизводимой в разных вариациях, на что и указывал, к примеру, упоминавшийся нами А.И. Филюшкин. Между тем, при внимательном и непредвзятом анализе имеющихся в нашем распоряжении исходных материалов нетрудно заметить, что в случае с Иваном Грозным и карамзинской схемой перед нами тот самый классический случай, когда обобщение явно опережало не только осмысление накопленного эмпирического материала. Во-первых, основной массив источников по эпохе Ивана Грозного в начале XIX в. еще только предстояло ввести в научный оборот, а во-вторых, эти источники еще *предстояло осмыслить и интерпретировать* (курсив мой. – В.П.). Но вот именно здесь и кроется корень зла – беспристрастного и вместе с тем нелицеприятного разбора и анализа свидетельств о жизни и деяниях Ивана Грозного не произошло. Почему? В поисках ответа на этот вопрос опять обратимся к мнению авторитетов. Известный медиевист А.Я. Гуревич писал в свое время, что «историк вопрошает прошлое от имени современности», и «проблемы, которые ставит историк, прямо или косвенно связаны с потребностями современной культурной и идеологической жизни» [10, с. 564].

«Историк вопрошает прошлое от имени современности» и вопросы, которые он ставит, связаны с большими вопросами этой самой современности – вот, пожалуй, те самые «ключи», которые, на наш взгляд, способны стать той отмычкой, что позволит открыть тайну царя Ивана. И снова меткое замечание Р.Ю. Виппера, который, отвечая на вопрос о том, почему карамзинская схема «двух Иванов» оказалась столь живуча, мягко намекнул, что «отчасти это случилось потому, что осуждение тирана служило одним из благодатных мотивов оппозиционно-либеральной риторики» [6, с. 108]. И «История...» князя Курбского, и сочинения других критиков Ивана, русских и зарубежных, давали обильную пищу для поддержания этого либерально-оппозиционного

и гиперкритического дискурса в отечественной (тем более, зарубежной) «Грозниане». При этом любопытно отметить, что всплески гиперкритического отношения к Ивану IV совпадают со временами «потепления» и «оттепели» в общественном настрое русского общества, и наоборот, – на примере грозненского дискурса можно изучать динамику колебаний исторического мэйнстрима в соответствии с колебаниями «генеральной линии».

А что, если попытаться отойти от карамзинской схемы, восходящей своими корнями к писаниям князя Андрея Курбского и дьяка Ивана Тимофеева, если не брать в расчет историческую беллетристику, каковой, по большому счету, являются как «История» Курбского, так и «Повесть» князя Катырева-Ростовского и «История» дьяка Грибоедова? Что, если, отойдя от устоявшихся схем и мнений авторитетов (ведь авторитеты тоже люди, а людям свойственно заблуждаться и ошибаться), взглянуть на историю эпохи Грозного, как говорится, с чистого листа? Итак, прежде всего условия задачи: какой была обстановка, в которой предстояло действовать юному Ивану?

Для начала последуем совету Р.Ю. Виппера, который укорял русских историков за «почти всеобщее увлечение «внутренней» историей в ущерб «внешней»...» [6, 108], и коснемся именно «внешней» истории – охарактеризуем внешнеполитическое положение Русского государства в 30–40-х гг. XVI в. А оно, это положение, было существенно хуже, нежели при Иване III и Василии III (впрочем, оно и при деде и отце Ивана было непростым, но теперь характер задач, которые предстояло решать, стал еще сложнее). При Иване III и Василии III завязались три «узелка», которые теперь предстояло развязать или разрубить – по примеру Александра Македонского – Ивану IV.

Первый «узелок», «литовский», обозначился задолго до Ивана III, еще в XIV в., когда великий князь литовский Ольгерд шаг за шагом округлял свои владения, присоединяя одно русское княжество за другим. Он настолько преуспел в этом, что Великое княжество Литовское (ВКЛ) по праву можно назвать «другой Русью», и именно Гедиминовичи могли бы,

пойди история другим путем, стать объединителями всей Русской земли. Но не пошла, и после смерти преемника Ольгерда, великого князя Витовта (потомком которого, кстати сказать, был Иван Грозный, поскольку прадед Ивана, Василий II, был сыном великого московского князя Василия Дмитриевича, наследника Дмитрия Ивановича Донского, и дочери Витовта Софьи), экспансия Литвы на востоке постепенно сошла на нет. Москва, раньше с большим и или меньшим успехом оборонявшаяся, но при этом отступавшая шаг за шагом, почувствовав слабость, приободрилась и перешла в контрнаступление. При Иване III успешная и менее, но все же успешная, при Василии III русская экспансия на западном направлении привела к тому, что ВКЛ утратило целый ряд пограничных земель и городов, главным из которых был Смоленск с округой. И это не считая того, что ВКЛ полностью была утрачена сфера влияния на Северо-Западе – и Псков, и Новгород, и Тверь, не говоря уже о Рязани (а это уже юго-восток). Естественно, что в Вильно этим были жестоко обижены и оскорблены. Проблема утраченных в конце XV – начале XVI вв. Литвой земель, в особенности Смоленска, отныне отравляла отношения Москвы и Вильно и стала главным препятствием на пути установления действительно «вечного мира» между двумя этими государствами. Мирного разрешения спора не предвиделось (как оказалось потом, ни в какой перспективе), а значит, новая большая война между Москвой и Вильно была неизбежна.

Второй узелок, который, опять же в перспективе, после допущенных в начале 40-х гг. московской Боярской думой ошибок стал первым, – «татарский». Иван III, играя на противоречиях между татарскими «юртами» (Крым, Казань, Астрахань и ногаи опасались собственно Орды, не желая снова ходить под ней), сумел разобщить единый фронт татарских государств, завязать дружеские отношения с Крымом и с ногаями, подчинив своей воле Казань. При нем татарская угроза если и не сошла на нет полностью, то, во всяком случае, существенно уменьшилась (потому-то Иван и мог сосредоточиться на Литве). Однако после окончательного распада Орды в самом начале XVI в. крымские Гирейи, примерив-

шие на себя царский венец, сочли, что он им к лицу, и возжелали играть главную скрипку в хоре татарских юртов. Более того, Гирей захотели быть дирижером в этом оркестре, став первыми на постордынском пространстве. А это никак не входило в планы Москвы.

Естественно, что начался процесс постепенного охлаждения русско-крымских отношений, и, в конце концов, дело дошло до откровенного разрыва и набега Мухаммед-Гирея I на Москву летом 1521 г. С этого момента крымская угроза (вместе с казанской, поскольку в Казани окончательно оформилась и подняла голову прокрымская партия) стала реальностью. Знаменитые слова имперского дипломата С. Герберштейна о том, что даже если московский государь «не ведет никакой войны, то все же ежегодно по обычаю ставит караулы [в местностях около Танаиса и Оки] числом в двадцать тысяч для обуздания набегов и грабежей со стороны перекопских татар» [7, с 241], относятся именно к этому времени. Правда, Василию III в полной мере почувствовать вес татарский гири на ногах не удалось, хотя не подлежит сомнению тот факт, что остановка московской экспансии на западном направлении после взятия в 1514 г. Смоленска во многом была продиктована именно недружелюбной, более того, враждебной позицией Крыма. Уже в 1523 г. Мухаммед-Гирей, овладевший было Астраханью, был убит там ногами, в Крыму началась долгая «замятня», и Кыркору стало не до реализации грандиозных внешнеполитических затей. Однако не учитывать теперь этот внешнеполитический фактор в Москве уже не могли. Перспективы выглядели крайне неблагоприятными, ибо теперь интересы Москвы и Кырора коренным образом расходились: Россия ни в коем случае не нуждалась в сильном Крыме, а Кыркору растущая и усиливающаяся за счет Литвы и других татарских юртов Москва опять же была совсем не впрок. К тому же и «замятня» в Крыму закончилась как раз в начале 30-х гг., когда к власти пришел энергичный и властный Сахиб-Гирей I, не менее своего предшественника Мухаммед-Гирея I увлеченный имперскими планами.

Третий узелок, назовем его «европейским», тоже завязался при Иване III. Имен-

но при нем, говоря словами не модного ныне классика, «изумленная Европа (и не только она, – В.П.), в начале правления Ивана едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь москвиты» [14]. Именно тогда, в конце XV в. Россия предприняла первую попытку «встроиться» в качестве равноправного участника формирующегося «европейского концерта», завязав отношения со Священной Римской империей, римской курией и рядом других европейских государств. Империя и Рим, столкнувшись с этими претензиями, прозвучавшими от силы, которая никак не встраивалась в уже привычный для них образ мира, испытали определенный культурный шок. Увидев открывающуюся перед ними перспективу обратить прирученного русского медведя, к примеру, против Великого Турка (перед которым трепетала тогда вся Европа) и пополнить паству римского епископа миллионами подлинных христиан, и в Риме, и в Вене «были так потрясены, что, охваченные восторгом, казались лишенными ума» [17, с. 29]. Однако очень скоро оказалось, что москвиты, щедрые на туманные авансы и обещания, отнюдь не торопились идти на поводу императора и папы. Скорее наоборот, они сами желали использовать и императора, и папу в своих, московитских интересах, не имевших ничего общего с мечтаниями что римских, что венских прожектеров.

Одним словом, во время 1-й Смоленской войны 1512–1522 гг. взаимные иллюзии относительно «встраивания» и «приручения» развеялись в дым, «безумие» закончилось, впрочем, как и трезвый политический расчет, на смену которому пришла пресловутая «Rusche Gefahr», «русская угроза», усердно раздуваемая из Кракова и Ливонии. Изменение отношения Империи (а вместе с ней и Европы в целом) к России хорошо заметно, если проанализировать тексты европейской *Rossica* конца XV–середины XVI вв., в которых восторг сменяется разочарованием, а от последнего недалеко было уже и до «черной

легенды» и соответствующего негативного «пиара» по отношению к Московии, москвитам и их правителю. В общем и целом, к 40-м гг. заинтересованное и в известной степени благожелательное отношение Европы (мы имеем в виду прежде всего Империю, ибо ту же Францию или Испанию, да и Англию – если судить по дипломатической переписке британского двора – проблемы Восточной Европы интересовали в чрезвычайно малой степени, если вообще интересовали) сменяется на настороженное, стремящееся к неблагоприятному. Малейшего толчка было достаточно, чтобы неблагоприятное отношение сменилось на откровенно враждебное. События 2-й половины 40-х гг. XVI в. стали наглядным тому подтверждением, когда магистр Ливонского ордена И. фон дер Рекке сумел сорвать наметившееся было сближение (на антитурецкой почве) Империи и Москвы и добиться запрета на поставки оружия, двойных технологий и проезда военных и технических специалистов на службу к Москвиту в разгар русско-казанской войны 1545–1552 гг. И случайно ли, что именно в это время появляются на свет ментально ставшие бестселлером «Записки о Московии» имперского дипломата С. Герберштейна, неоднократно бывавшего в России при Василии III и заложившего основы «черной легенды» о Московии как «стране рабов, стране господ» под властью тирана?

Таким образом, подводя общий итог «внешнеполитической» части наших тезисов, отметим, что та внешнеполитическая обстановка, в которой предстояло действовать молодому Ивану IV (XVI в. для Европы – это век экспансии, в ней участвовали все, никто не мог отсидеться), была сложнее, а пространство для политического маневра существенно уже, чем у его предшественников.

Но, помимо «внешних», перед Иваном неизбежно должны были встать и «внутренние» вызовы. А какими были они, «внутренние» «узелки», которые предстояло развязывать (или опять же рубить) оному государю?

Начнем по порядку. Как известно «короля делает свита». А что представлял собой правящий слой Московского государства, его элита, тесною толпою окружавшая трон и

делившая власть с государем? Тут все было очень непросто к моменту вокняжения малолетнего Ивана. Со времен деда, Ивана Грозного Большого, правящая элита Московского государства утратила свою прежнюю относительную монолитность, установившуюся после смуты времен Василия II. Старомосковское боярство, стеной стоявшее за Калитичей, было постепенно оттеснено на второй план более знатными княжатами – как бывшими удельными, так и выезжими из Литвы. Среди княжат было немало «дауншифтеров», перешедших в разряд служилых князей, но осталось и немало таких, кто сохранил большие вотчины (естественно, не пустые, со множеством своих клиентов и служилых людей). Мало того, не стоит забывать и о том, что многие из выезжих князей принадлежали к Рюриковичам и к Гедиминовичам – фамилиям, в жилах которых текла кровь настоящих наследственных правителей. Отношения между «старожилами» и «понаехавшими» неизменно усложнились – понятия «родовая честь» и «место» никто не отменял, как и политические соображения: обижать выезжих было нельзя – а то ведь они как выехали, так и обратно уехать могут, и хорошо, если сами по себе, а если вместе с землями? Иван III, при котором эта ситуация начала складываться, с ней справлялся, Василий III – тоже. Теперь эту задачу предстояло решать Ивану IV. И от того, насколько успешно он сумеет «разруливать» возникающие противоречия и напряженность внутри этого узкого слоя правящей элиты, зависела и устойчивость Русского государства, и успех проводимой им внешней и внутренней политики. Проблема, стоявшая перед Иваном, была чрезвычайно сложной, ибо сдерживаемая твердой рукой Василия III («всех одинаково гнетет он [жестоким] рабством» [7, с. 89]) напряженность буквально в первые же дни после его смерти, еще не успело остыть тело покойного, выплеснулась наружу: «бояре велики у великой незгоде з собою мешкают и мало ся вжо колко крот ножи не порезали...» [1, с. 331].

Уместно будет привести суждение отечественного исследователя Д. Уварова, который писал, что «власть средневекового короля была следствием “добровольного согла-

шения” феодалов и держалась лишь до тех пор, пока большинство ее признавало хотя бы пассивно, а меньшинство готово было поддержать активно, по приказу короля расправляясь с каждым из ослушников. Когда король принадлежал к утвердившейся династии и его авторитет носил “сакральный”, безусловно признанный характер, столь же безусловно признавалось и его право на исполнение его приказов подданными, от простолюдина до герцога. Это теоретическое право превращалось в практическое, когда король обладал и личным авторитетом, твердым характером, опытом, знанием феодального права, взаимоотношений между вассалами и умением находить нужный тон с ними (курсив мой. – В.П.)...» [16, с. 32]. Зададимся вопросом, какими качествами из вышеперечисленных обладал юный Иван? Практически ни одним из них. Потому-то он никак не мог выступать в роли верховного арбитра, способного справиться с распрями и рассудить тяжущихся и конфликтующих бояр, что не обладал ни должными навыками, ни авторитетом, ни опытом.

И вот тут необходимо еще раз подчеркнуть коренное отличие Грозного-младшего от Грозного-старшего и от Василия III. Ивану III довелось еще юношей поучаствовать в событиях завершающей стадии войны Юрьевичей с его отцом, де-факто став соправителем слепого великого московского князя. Опыт, который он получил к моменту восшествия на стол, был просто бесценным. Сын его и наследник Василий III тоже изрядно поднатерел в искусстве управления и интриг, так что, став в свою очередь великим князем, он уже был достаточно опытен и искусен. Этот опыт, эти умения, знания и навыки нельзя было получить книжным путем – только на практике, поварившись в котле придворных интриг и большой политики. Более того, «книжный» путь был опасен тем, что, увлекшись идеальными схемами, можно было заварить изрядную кашу, попытавшись применить эти схемы на практике, и похоже что, по меньшей мере, один раз Иван IV на этом сильно обжегся, когда увлекся идеей крестового похода против басурман. Практического опыта у юного Ивана IV не было и в

помине – плавного перехода власти от отца к сыну или хотя бы от регентского совета к наследнику престола не получилось. Боле того, Иван надолго стал игрушкой в руках противоборствующих боярских кланов, отнюдь не торопившихся отдавать свалившуюся к ним в руки власть юному государю. В самом деле – чем Шуйские, к примеру, или Бельские хуже этого Калитича? «Породой» вышли, кровь самая что ни на есть «царская» – сам Иван позднее это признавал; править и сами умеем, ну а то, что государь молод, так то нам, боярам-княжатам, и на руку – умом слаб и нам во всем поваден будет. И еще одно важное обстоятельство: не стоит полагать, что бояре всенепременно спешили изменить и перебежать на «ту» сторону. Напротив, они горой стояли за сохранение status quo, который позволял им в одиночку, без конкурентов, конвертировать власть в движимость и недвижимость, и наоборот. Все «заигрывания» боярства московского с внешней силой (будь то поляки или шведы, к примеру), сводились к тому, чтобы посадить на московский стол слабого, зависимого от бояр государя, который не мешал бы им пользоваться своим привилегированным статусом. При этом иностранцы от богатой кормушки однозначно отстранялись бы.

На сложную ситуацию вокруг трона и при дворе накладывалась не менее сложная ситуация с пресловутой «вертикалью власти». Ю.Г. Алексеев высказал любопытную гипотезу о «земско-служилом государстве», которое сложилось при Иване III: «... реальной основой этого государства явились служилые отношения и общинные институты, пронизывающие весь строй жизни России. Вопреки мнению, долгое время господствовавшему в нашей историографии, Русское государство не знало “закрепощения сословий”. Обязанность государственной службы, т. е. службы Отечеству, воплощаемому в лице государя всея Руси, вытекала из всего бытия Русского государства и определялась, с одной стороны, объективной необходимостью иметь сильное, дееспособное государство, способное отстаивать независимость и целостность России, с другой же стороны – патернализмом как основной формой отношений между

главой государства и его подданными...» [2, с. 431-432].

Принимая основные положения данной гипотезы в целом, мы бы заметили, что это «земско-служилое» государство сложилось все-таки не при старшем Грозном (Иване III), а при младшем (Иване IV), в результате его «политики» 50 – нач. 60-х гг. (до начала очередной русско-литовской войны). Точнее, пресловутые «реформы Избранной рады» (используем этот устоявшийся историографический термин, хотя он, на наш взгляд, и не слишком удачный) завершили в основных чертах его формирование, начатое в конце XV в. или даже раньше. Суть же этого процесса состояла во взаимной «притирке» интересов центра и «земли», точнее «земель», ибо Московское государство, подобно Испании или Франции, складывалось постепенно. И эта постепенность неизбежно вела к тому, что территориально-государственная структура при кажущейся внешней монолитности носила рыхлый, «лоскутный» характер. При этом стоит подчеркнуть, что мы вкладываем в понятие «лоскутность» несколько иной смысл, чем может показаться вначале. Сама по себе мысль о том, что Московское государство вовсе не было столь уж централизованным, отнюдь не нова. Но, по нашему глубокому убеждению, дело не только и даже не столько в уделах, сколько в том, что Московское государство включало в себя (в каждом конкретном случае – на определенных условиях) территории со сложившейся в разное время довольно устойчивой «старинной», со свойственным каждой такой «старине» характерным и неповторимым внутренним распорядком вещей, традиций и обычаев. В условиях, когда центральная власть не обладала надежными инструментами проведения своей воли и политики на местах, при отсутствии более или менее развитой бюрократии, регулярной армии, полиции (тайной в особенности) и прочих атрибутов современной государственности и политического режима, она волей-неволей должна была согласовывать свои действия с местными элитами, «земскими» «лутчими людьми», у которых, в свою очередь, были прочные связи на самом верху, среди придворного боярства – взять тех же Шуйских! Между прочим, этот процесс

был двусторонним – влияние Шуйских и им подобных родовитых фамилий базировалось не только на их собственном «административном» ресурсе, но еще и на связях с «землей». А «лутчие люди», в свою очередь, опирались не просто на мнение «земли», а главным образом на мнение «земских» служилых корпораций, объединявших местных детей боярских, а также верхушки посадков. При этом не стоит забывать о том, что в те времена вооружены были, и весьма неплохо, не только холодным, но и огнестрельным оружием, не только дети боярские, но и посадские люди, и даже сельские мужики. Вот и попробуй тут провести в жизнь политику, которая не соответствовала бы интересам «земли»! Кстати сказать, не замеченным и историками, и интересующейся русской историей публикой остается тот факт, что в эпоху «тирании» Ивана Грозного нет крупномасштабных народных волнений и бунтов, если не считать московского бунта 1547 г., относительно которого есть все основания полагать его инспирированным враждующими боярскими кланами, чего не скажешь о более поздних временах.

Добавим к этому, что и само общество, «земля» то есть, в это время не было структурировано, границы между его составными частями-«чинами» («освященный, и служивый, и торговый, и земледельческой») еще не устоялись и были весьма размытыми, равно как и характер «службы» каждого из «чинов». Достаточно сказать, к примеру, что, как показывают переписные книги, в конце 30-х гг. XVI в. далеко не все тверские служилые люди, владевшие землями, были обязаны службой кому бы то ни было. Такое положение давало определенные преимущества для всех. Социальная структура, еще не заостреневшая полностью (кроме самых верхних этажей), достаточно гибкая, могла быстро реагировать на изменяющиеся условия; социальные лифты работали достаточно эффективно. Да и наличие, пусть незначительно, но различающихся социальных моделей создавало определенный эффект конкуренции и выбора, что до определенного времени было на руку как власти, так и самому обществу. Власть могла выбирать ту модель, которая больше отвечала ее интересам, особенно если учесть, что и сама

власть на первых порах существования Русского государства, как уже было показано выше, представляла собой конгломерат группировок – «партий», связанных изнутри территориальными, родственными и патрон-клиентскими связями, а великокняжеская власть выступала по отношению к этим «партиям», представлявшим интересы как светской, так и духовной элит, своего рода верховным арбитром. Обществу при этом гарантировался определенный уровень прав и свобод, унаследованных «от старины», поскольку, подчеркнем это еще раз, власть, инкорпорируя отдельные «земли» в состав «своего» государства, так или иначе должна была, не обладая необходимым административным ресурсом, находить некий компромисс с местными региональными элитами, отражавшими в известной степени интересы наиболее влиятельной части населения.

Итак, перед нами предстает очень сложная структура, элементы которой плохо «притерты» друг к другу и управление которой требует немалых усилий, знаний и навыков «разруливания» возникающих ежечасно и ежесекундно противоречий между центральной властью («делом государевым»), «землей» («делом земским») и отдельными «землями», между боярскими кланами, группировками внутри церкви (не стоит забывать, что речь идет об обществе на пороге Нового времени, глубоко религиозном, в котором церковь и религия играют роль идеологического стержня), а еще больше – опыта умелого сочетания интересов «дела государева» и «дела земского», не забывая при этом еще и о «деле церковном» при достижении намеченной цели. И кто, зададимся вопросом, учил Ивана этому тонкому искусству государственного управления? В книжках об этом не пишут, а полагаться на свиту в таких вопросах опасно – люди есть люди, преследуя свои партикулярные интересы, они могли (и, скорее всего, давали) совсем не те советы, которые нужны были неопытному юному государю (впрочем, позднее Иван именно в этом и обвинял «силных во Израиле» в своей переписке с Андреем Курбским).

Таким образом, из условий задачи вытекает, что ситуация в России к началу правления

Ивана IV существенно усложнилась в сравнении с прежними временами, равно как и те задачи, которые предстояло решать власти. Но ни «вертикаль власти», ни общество с его институтами к решению этих усложнившихся новых задач были не готовы в силу своей «заточенности» на сохранение милой сердцу и привычной «старины», в которой каждый сверчок знал свой шесток, в том числе и верховная власть, прерогативы и сфера влияния которой были зафиксированы обычаем и традицией, а легитимность государя и его власти определялась в глазах как свиты, так и «земли» во многом именно его, государя, следованием «преданиям старины глубокой».

Отсюда и вытекают главные вопросы внутренней и внешней «политики» Ивана IV – «как нам обустроить Россию» «внутри» и «снаружи»? Как выстроить такую «вертикаль власти», в которой были бы заложены возможности более или менее успешного разрешения неизбежных противоречий между различными кланами и группировками «наверху» и трений между властью в центре и интересами «земель» «внизу», не говоря о том, что свой интерес и свое «дело» было и у церкви, претендовавшей на свою долю пирога властного? И подступать к решению этих сложнейших задач должен был юный государь, не обладающий должными опытом, знаниями, навыками и умениями, окруженный свитой, в которой царили своекорыстные интересы и лютая партикулярщина, как и в «землях». И все это должно было быть осуществлено в условиях начатой в 1545 г. (и растянувшейся на долгие тридцать с лишним лет) не Иваном, но Боярской думой и митрополитом Макарием войны за Ордынское наследство, главным противником Москвы в которой был Крым, за спиной которого стояла, пожалуй, сильнейшая на тот момент военная держава западной Евразии – Османская империя. И теперь, поставив себя на место Ивана, оцените свои способности и возможности по решению этих сложнейших задач, прежде чем осуждать его...

Кстати, об осуждении. Безусловно, Иван Грозный ни в коем случае не ангел, и руки его, как, впрочем, любого правителя той эпо-

хи, обагрены кровью, увы, и невинной тоже. Но можно ли подходить к оценке его деяний с точки зрения нашего, гораздо более гуманного и цивилизованного, времени? Прусскому канцлеру О. фон Бисмарку приписывают фразу о том, что «великие дела вершатся не голосованием в рейхстаге, но железом и кровью». И если попытаться подвести общий итог правления Ивана Грозного, то может ли оно быть записано целиком и полностью в «минус», или же «плюсы» будут преобладать? Упомянутую выше тридцатилетнюю войну за Ордынское наследство Иван Грозный сумел, ценой колоссальных усилий и жертв, выиграть. Крымский хан Девлет-Гирей, которого турецкий султан Сулейман I сделал «смотрящим» за делами в Восточной Европе, не справился со своей ролью и уж тем более не смог сделать то, что ему завещали Менгли-Гирей I, Мухаммед-Гирей I и Сахиб-Гирей I. Да, из-за ошибок московских воевод ему удалось в мае 1571 г. сжечь Москву, но поражение летом 1572 г. в многодневном сражении под подмосковным селом Молоди окончательно поставило крест на попытках Крыма стать империей и возродить Золотую Орду под своим верховенством. Москва же не только сохранила в своих руках Казань и Астрахань, а вместе с ними и богатейший волжский торговый путь, но и начала покорение Сибири и Ногайской Орды (которые были завершены после Ивана), освоение Дикого поля и проникновение на Северный Кавказ.

Выиграна Иваном была и Ливонская война 1558–1561 гг., в ходе которой был разгромлен Ливонский орден и рухнула Ливонская конфедерация, а в руки Москвы на без малого четверть века перешли Нарва и Дерпт-Юрьев с прилегающими территориями. Стоит обратить внимание на то, что Иван до последнего момента категорически отказывался от полного подчинения Ливонии и установления там прямого управления из Москвы. Он ограничился только Нарвой и Дерптом, а на остальных взятых саблех ливонских землях пытался создать вассальное государство то во главе с бывшим ливонским магистром В. фон Фюрстенбергом, то с датским принцем Магнусом). Победу одержал Иван и в очередной русско-литовской, которую по праву можно назвать Полоцкой, войне 1561–1572 гг. И в

вялотекущей войне со шведами, начавшейся де-факто в 1570 г. с попытки царского «голдовника»-вассала Магнуса овладеть Ревелем, вплоть до конца 70-х гг. перевес также был на его, Ивана, стороне. Лишь Баториеву, Московскую войну 1578–1582 гг., Иван проиграл, отдав по ее итогам свой главный приз в войне за Ливонское наследство (частью которой были и упомянутые выше войны Ливонская, Полоцкая и со шведами) – Полоцк и Дерпт – и смирившись на время с утратой Нарвы, которую под шумок отхватили шведы.

В «минус» Ивану можно было бы записать и образование Речи Посполитой в 1569 г., государства более сильного и обладавшего большими ресурсами, чем одряхлевшее к середине XVI в. Великое княжество Литовское. Но, прежде чем упрекать Ивана в такой промашке, стоит задать вопрос – а как могла Москва помешать заключению Люблинской унии? Эта уния стала прямым следствием проигранной Вильно Полоцкой войны, а сама эта война стала, в свою очередь, следствием отказа Сигизмунда II и панов Рады от предложения Москвы заключить на условиях сохранения status quo и образования антикрымской коалиции (при отказе от новых территориальных претензий) «вечный мир». И если «русская партия» в Великом княжестве Литовском не сумела «продавить» подписание «вечного мира» на предложенных Москвой чрезвычайно выгодных условиях, то стоит ли удивляться ее поражению в ходе переговоров вокруг условий унии Польши и Литвы? И как могла Москва повлиять на эти процессы? Но даже в этом случае еще не все было потеряно, если бы в историю не вмешался Его Величество Случай и субъективный фактор в лице трансильванского воеводы Штефана Батори – Стефана Батория, энергичного политика, толкового администратора и талантливое военачальника, сумевшего буквально из-под носа у Ивана и его союзника, римского императора, увести корону Речи Посполитой. С Генрихом Валуа у Речи Посполитой шанса выиграть войну с Русским государством практически не было, а вот с Баторием он появился и был реализован (хотя и не в той мере, на которую рассчитывали в Польше).

Внутри государства Иваном также были проведены серьезные преобразования. Не-

обходимо обратить внимание на то, что созданные Иваном механизмы управления оказались достаточно эффективными для того, чтобы на протяжении большей части его правления поддерживать уровень напряжения, необходимый для успешного ведения войны, по меньшей мере, на два фронта в условиях неблагоприятной внешне- и внутриэкономической конъюнктуры. Это подтверждает косвенно наш тезис о том, что то самое «земско-служилое государство» было в целом оформлено именно при Иване IV. Была переформатирована «вертикаль» власти, в которой центральной место заняли приказы, де-факто возглавляемые дьяками, высокопрофессиональными управленцами, хундорными или вообще, что называется, «из народа». Это вызывало лютую ненависть у знати и ее клиентов – недаром Курбский обвинял Ивана в том, что мол, государь окружил себя «писарями», «им же князь великий зело верит, а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичев, или от простого всенародства» [13, стб. 61]. Курбскому вторит и его конфидент Тимофей Тетерин, беглый стрелецкий голова, сам, кстати сказать, происходивший из «писарского» рода: «Есть у великого князя новые верники: дьяки, которые его половиною кормят, а другую половину себе емлют, у которых дьяков отцы вашим отцам в холопстве не пригожались, а ныне не токмо землю владеют, но и головами вашими торгуют» [9, с. 537]. Изменилось и войско, в котором существенную часть составили стрельцы – по существу, прообраз регулярного войска – и артиллерия. Да и самая конная милиция, составленная из детей боярских и их послужильцев (порядок службы которой был при Иване более или менее упорядочен), вплоть до конца 70-х гг. демонстрировала достаточно высокий уровень боеспособности, упавший лишь потому, что экономическая основа службы детей боярских – поместья – пришли в упадок. Достаточно устойчивыми, судя по всему, оказались и финансы Ивана Грозного; во всяком случае, он обошелся без серьезных внешних займов и о своем банкротстве, подобно испанскому королю Филиппу II, владельцу серебряных и золотых рудников Америки, не объявлял.

Что можно поставить в вину Ивану – так это опричнину, загадочное явление, о характере и задачах которой споры идут по сей день. Однако осмелимся поддержать мнение некоторых историков, что опричнина представляла собой комплекс чрезвычайных мер, нацеленных прежде всего на то, чтобы мобилизовать усилия страны на ведение войны на двух, крымском и литовском (не говоря уже о шведском) фронтах. Была ли она распущена потому, что выполнила свою задачу, или же Ивану стала очевидна пагубность действий опричников – вопрос, на который пока нет ответа, и вряд ли он появится в обозримом будущем, ибо тема опричнины чрезвычайно политизирована и идеологизирована, и ждать непредвзятого подхода к ее изучению сложно.

Разорение страны также можно поставить в вину Ивану, но не стоит все-таки забывать о том, что время правления Грозного – период острого экономического кризиса в стране, обусловленного объективными причинами, в том числе и природными: неурожаи, голод и эпидемии – постоянные «гости» в Русской земле в это время, начиная с 50-х гг. XVI в. Между прочим, французский историк Ф. Бродель писал, что «между 1540 и 1560 гг. (даты приблизительные) Европа была потрясена более или менее ясно выраженным кризисом, которые делит XVI век надвое: Франция Генриха II – это уже не залитая солнцем Франция Франциска I; елизаветинская Англия – это уже не Англия Генриха VIII...» [5, с. 153]. Вот и вопрос – был ли русский экономический кризис, во многом обусловивший и усугубивший кризисы социальный и политический, явлением сугубо русским, вызван ли он злой волей ненасытного царя-тирана, или же он был частью общеевропейского кризиса?

И даже с пресловутой «тиранией» есть вопросы. Отрицать массовый характер казней при Иване было бы, по меньшей мере, странно – действительно, в сравнении с дедом и отцом внук по части кровопролития превзошел их в разы. Один новгородский погром, размеры которого были, впрочем, сильно преувеличены, чего стоит. В то же время, к примеру, царь-тиран тщательно разбирает местнические тяжбы и вместо того, чтобы укоротить непокорствующих бояр на голову, «разводит»

их с тем, чтобы не было поруки боярской чести. Как это совместить с «тиранством», непонятно. А вот что пишет историк В.В. Бовыкин, занимающийся изучением земства в эпоху Ивана Грозного. Он отмечает, что «основные сферы деятельности органов местного самоуправления – губное дело, сбор тягла, отправление местного правосудия *не менялись в течение всей второй половины XVI в.* (курсив мой. – В.П.). К этому добавлялись другие правительственные поручения, связанные, например, с отводами земли и поддержанием правопорядка. Что свидетельствует как о доверии центральной власти к местному самоуправлению, так и о незаменимости этого института в решении широкого круга вопросов внутренней политики. Соучастие населения, как и прежде, играло ключевую роль в местном самоуправлении...» [4, с. 376].

Коллега В.В. Бовыкина, В.А. Аракчеев, изучающий проблемы земского самоуправления во 2-й половине XVI в., также отмечает, что, несмотря на репрессии, обрушившиеся на Новгород, «земские органы самоуправления в Новгороде и, особенно, в Пскове продолжали функционировать в 1570-х гг.», подчеркнув, что «в источниках нет прямых указаний на искоренение опричниками в ходе реформ земских учреждений. Взаимоотношения опричных властей с земскими мирами на своей территории строились прежде всего на принципах фискального террора (а как иначе-то, когда страна воюет порой даже не на два, а на три фронта, – В.П.), когда волостям и посадам во главе с земскими старостами адресовались нарастающие требования выплаты налогов. Однако, во-первых, <...> репрессивные формы фиска активно применялись и в земской части государства, и, во-вторых, <...> опричина не была абсолютной антитезой “земле” <...>. В условиях социально-политической конъюнктуры 1560–1570-х гг. власть могла опираться на “землю”...» [3, с. 368].

Общий вывод В.А. Аракчеева: «Земская реформа в свете новых источников никак не выглядит антитезой монархическому государ-

ству и его институтам. Сохранившиеся до нашего времени комплексы актов земского документооборота свидетельствуют прежде всего о проникновении государственного аппарата в толщу земских миров, чьи усилия были бюрократизированы и поставлены под контроль и учет (но не отменены, – В.П.)...» [3, с. 412]. То есть, можно говорить о том, что при Иване IV земское самоуправление не только не было уничтожено, но, напротив, было легитимизировано, получило вполне официальный, законный статус и, что самое главное, получило реальный опыт участия в управлении государством; на местах оно вовсе не было пятым колесом в телеге, а исполняло весьма важные функции. И не вызывает сомнения тот факт, что все это очень пригодилось в годы Смуты, когда именно «земля» взяла на себя роль спасителя Отечества в условиях, когда центральная власть полностью обанкротилась.

Все приведенные выше факты по меньшей мере заставляют задуматься над тем, что все не так однозначно в эпоху Ивана Грозного. Вместе с тем приходится с сожалением констатировать: лишь в последнее время наметилась тенденция к пересмотру отдельных положений карамзинской схемы, но лишь отдельных, а не всей ее как единого целого. И это при том, что и вышеперечисленные факты давно известны, и основная масса документов и материалов, относящихся к эпохе Ивана Грозного, опубликована и доступна. Увы, слишком велика и прочна стена, возведенная прежде на пути более или менее объективной оценки деяний Ивана IV, а значит, новая и при этом целостная историческая интерпретация, позволяющая взглянуть на эпоху Ивана Грозного под другим углом зрения, похоже, появится еще не скоро – достаточно взглянуть на самые последние биографии Ивана Грозного, отечественные [см., напр., 19] и зарубежные [см., напр., 20], чтобы понять, что новые веяния с чрезвычайным трудом пробивают себе дорогу через напластования мифов и штампов, хотя такие попытки и имеются [см., напр., 21].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акты, относящиеся до истории Западной России, собранные и изданные Археологической Комиссией. Т. II. 1506–1544. СПб., 1848. 442 с.
2. Алексеев, Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 447 с.
3. Аракчеев, А. Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2014. 512 с.
4. Бовыкин, В.В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 421 с.
5. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII в. Т. 3. Время мира. М.: Весь мир, 2007. 752 с.
6. Вишпер, Р.Ю. Иван Грозный. Рига: Дельфин, 1922. 115 с.
7. Герберштейн, С. Записки о Московии. Т. I. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.
8. Грибоедов, Ф.А. История о царях и великих князьях земли Русской // Памятники древней письменности. Вып. СХХI. СПб., 1896.
9. Послания Ивана Грозного. СПб.: Наука, 2005. 715 с.
10. Гуревич, А.Я. «Территория историка» // Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. Мединевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М.: РГГУ, 2005. С. 562–600.
11. Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского // Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб., 1892. Стб. 625–712.
12. Корчмина, Е.С. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х годах // Российская история. 2013. № 5. С. 77–91.
13. Курбский, А. История о великом князе московском. СПб., 1913. 194 стб.
14. Маркс, К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века [Электронный ресурс] URL: http://scepsis.net/library/id_883.html (дата обращения 04.09.2015).
15. Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 251–290.
16. Уваров, Д. Битва при Креси (1346 г.) и военное дело первой фазы Столетней войны (1337–1347 гг.) // Воин. 2003. № 14. С. 13–26.
17. Трактат Иоганна Фабри «Религия москвитов» // Россия и Германия: культурные связи. Вып. 1 М.: Изд-во ИВИ РАН. 1998. С. 15–34.
18. Филюшкин, А.И. Андрей Курбский. М.: Молодая гвардия, 2008. 299 с.
19. Шапошник, В.В. Иван Грозный. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. 312 с.
20. Madariaga, Isabel de. Ivan the Terrible: First Tsar of Russia. New Haven and London: Yale University Press, 2005. XXII; 484 p.
21. Pavlov, Andrei and Perrie, Maureen. Ivan the Terrible. London: Routledge, 2003. 248 p.

REFERENCES:

1. *Acts Relating to the History of Western Russia, Collected and Published by the Archaeological Commission*. Vol. II. 1506–1544. St. Petersburg, 1848. 442 p.
2. Alekseev, Yu. G. *Sudebnik by Ivan III. Tradition and Reform*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2001. 447 p.
3. Arakcheev, A. *Power and “Land”. Government Policies on the Taxpaying Estates in Russia in the Second Half of XVI - Early XVII Century*. Moscow: Drevlekhranilische, 2014. 512 p.
4. Bovykin, V. V. *Local Government in the Russian State in XVI Century*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2012. 421 p.
5. Braudel, F. *Material Civilization, Economics and Capitalism, XV-XVIII Century*. Vol. 3. A Time of Peace. Moscow: Ves' mir, 2007. 752 p.
6. Vipper, R. Yu. *Ivan the Terrible*. Riga: Del'fin, 1922. 115 p.
7. Herberstein, Sigmund. *Notes on Muscovy*. Vol. I. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2008. 776 p.
8. Griboedov, F. A. The Story of the Great Kings and Princes of the Russian Earth. *Monuments of Ancient Literature*. Iss. CXXI. St. Petersburg, 1896.
9. *Epistles of Ivan the Terrible*. St. Petersburg: Наука, 2005. 715 p.
10. Gurevich, A. Ya. “The Territory of the Historian”. *History – a Never-Ending Debate. Medieval and Scandinavian Studies: Articles from Different Years*. Moscow: Publishing house of RSUH, 2005. Pp. 562-600.
11. Tale of Prince Ivan Mikhailovich Katyrev-Rostovsky. *Russian Historical Library*. Vol. XIII. St. Petersburg, 1892. Col. 625-712.
12. Korchmina, E. S. “Many Millions of the Public Purse in the Dark Are”: a Shortage of Poll Tax in the 1720-1760-ies. *Rossiiskaia Istoriia*. № 5. 2013. Pp. 77-91.
13. Kurbsky, A. *The Story of the Grand Prince of Moscow*. St. Petersburg, 1913. 194 cols.
14. Marx, K. *The Revelations of Diplomatic History of the XVIII Century*. URL: http://scepis.net/library/id_883.html (data of access: September 4, 2015).
15. Pskov 3rd chronicle. *Complete Collection of Russian Chronicles*. Vol. V. Iss. 2. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. Pp. 251-290.
16. Uvarov, D. Battle of Crecy (1346) and Military Affairs of the First Phase of the Hundred Years War (1337–1347). *Voin*. № 14. 2003. Pp. 13-26.
17. Johannes Fabry Treatise “Religion Muscovites”. *Russia and Germany: Cultural Links*. Iss. 1 Moscow: Publishing house IWH RAS. 1998. Pp. 15-34.
18. Filyushkin, A. I. *Andrei Kurbsky*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2008. 299 p.
19. Shaposhnik, V. V. *Ivan the Terrible*. St. Petersburg: Akademiya issledovaniya kul'tury, 2015. 312 p.
20. Madariaga, Isabel de. *Ivan the Terrible: First Tsar of Russia*. New Haven and London: Yale University Press, 2005. XXII; 484 p.
21. Pavlov, Andrei and Perrie, Maureen. *Ivan the Terrible*. London: Routledge, 2003. 248 p.